

Казачи сдали своих

*Трагическая история семьи Михайловых на фоне братоубийств, в которые страна погрузилась сто лет назад**

Дискуссии между современными «красными» и «белыми» кажутся нескончаемыми. Ведется постоянный счет, на ком больше крови. При этом забывается главный принцип Гражданской войны — насилие порождает ответное насилие, остановить которое, кажется, невозможно.

Сыновья

Сто лет назад Южный Урал стал одним из центров Гражданской войны — весной 1918 г. здесь разгорелось мощное восстание оренбургских казаков против красных. В ночь на 4 апреля казаки совершили набег на Оренбург, истребив много советских работников. Жертвами набега стали даже женщины и дети. Красные смогли отразить нападение, после чего ответили жестокими мерами, характерными для борьбы с партизанским движением во все времена: стали сжигать казачьи станицы и истреблять повстанческих лидеров — офицеров. Оренбургский военнореволюционный штаб выдвинул ультиматум всем казачьим станицам и поселкам: «На белый террор предателей офицеров, юнкеров и примыкающих к ним казаков, нападающих на революционных рабочих и крестьян, вырезающих их семейства с малолетними детьми, ответим же беспощадным красным террором, силою артиллерийского огня и силою рабоче-крестьянских революционных масс. Пусть все станицы и поселки помнят, что если какая-либо из них сделает хотя бы самое незначительное выступление против революционных рабочих и крестьян, она будет без всякого разбора виновных и невинных сметаться с лица земли силою оружия революционных войск»¹.

Именно тогда и произошла эта потрясшая многих даже в то суровое время трагедия. 9 апреля 1918 г. на станции Дубиновка Орской железной дороги были выданы казаками красным и расстреляны два казачьих офицера — родные братья, подъесаулы Василий и Михаил Михайловы. Василию не исполнилось и двадцати шести, Михаилу было тридцать лет. Несмотря на молодой возраст, оба уже успели повоювать в Первую мировую и заслужить боевые награды.

1

* 1

*Д. Шмарин. Рассказчи-
вание. 1995-2000 гг.*

** Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917-1922 гг. в документах офицеров русской армии».*

Станица Верхнеозерная на правом берегу Урала, где жили Михайловы, оказалась в сфере казачьего антибольшевистского восстания. Михайловы как офицеры возглавили две сотни местных казаков, которые собрались примкнуть к повстанцам и участвовать в набеге на Оренбург. Считалось, что идея оказать красным вооруженное сопротивление принадлежала их отцу — генералу Михайлову. Однако сам он впоследствии утверждал, что это решение принадлежало самим станичникам.

Впрочем, до Оренбурга казаки не доехали — набег был отбит, и сотни вернулись в свою станицу. Затем пришли известия о массовых расправах над подозревавшимися в набеге. Опасаясь наказания, верхнеозернинские казаки провели сход и отправили делегацию к красным на разъезд Кондуровский в 14 верстах от станицы.

По возвращении делегаты собрали станичников и объявили требования красных: восстановить в станице Советскую власть, выдать офицеров как зачинщиков сопротивления, в том числе семью Михайловых, и заплатить полмиллиона контрибуции. С требованиями казаки согласи-

лись, однако из всей семьи Михайловых удалось схватить только двух братьев, а их отец, генерал, сумел бежать к брату в станицу Гирьяльскую. Имущество Михайловых в период их отсутствия в станице раздали беднякам (позднее изъятое вернули).

Генерал Михайлов вспоминал о гибели сыновей: «Когда сыновья вернулись, первый, Михаил, а Василий еще был в Гирьяле², я написал записку Василию и послал с извозчиком, чтоб Василий приехал обсудить втроем, что делать дальше, а между населением уже какое-то шло беспокойство, перешептывание. Я с Михаилом собрался уехать, но дожидался еще сына Василия, вдруг забежал Михаил и сказал: «Папа, большевики». Я бросился бежать в сторону Гирьяла и стал скрываться, а с Василием я разошелся — он приехал домой, и вечером его забрали, когда он доехал до дома, большевики»³. Корил ли себя генерал за записку, которая привела к гибели сына? Наверняка. Но об этом он промолчал.

Реконструировать обстоятельства расстрела позволили свидетельства с обеих сторон. Братья понимали, что их участь незавидна, и попросили позвать священника причаститься. По свидетельству очевидца, еще в родной станице «братья... настояли, чтобы их посадили в одни сани. Повели. Масса народу. Женщины, плача и причитая, провожали до окраины станицы.

Привезя на станцию, вновь высадили и велели отойти от полотна шагов на 15. Братья встали на колени, помолились Богу, перекрестились друг друга и, крепко обнявшись, расцеловались, потом оба крикнули: «Да здравствует казачество, умираем за казачество!»⁴ Однако казачья газета, напечатавшая в 1919 г. такую заметку, возможно, искажала последние слова расстрелянных, чтобы не пропагандировать монархические настроения.

Дополняет картину случившегося свидетельство организатора расстрела. В 1934 г. на заседании оренбургского землячества ветераны Гражданской войны со стороны красных делились своими воспоминаниями и откровениями. Бывший командир одного из первых красных отрядов Павел Селиверстович Курач (его именем названа одна из улиц Оренбурга) тогда рассказал: «Таких офицеров я встречал под Орском. Когда я ездил с отрядом, то поймал двух братьев Михайловых. У них были паспорта, как будто они из Пензенской губ[ернии] учителя, а фронтовики говорят, что это братья Михайловы.

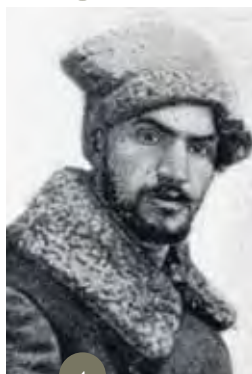
Когда их стали допрашивать, то они говорить не желают, смотрят с презрением. Когда я уезжал из Оренбурга, то мы создали следственную комиссию. Туда входил Блиничкин и еще один анархист, фамилию я не помню, но в общем было 4 человека. Постановление этой комиссии я как начальник этого отряда утверждал. Когда утром вызвали в комиссию, я ничего не говорил, но комиссия постановила расстрелять, и приговор был утвержден. Когда их поставили к расстрелу,

2

3

4

°2

Ф.Н. Михайлов — отец расстрелянных офицеров.

°3

Атаман А.И. Дутов в 1918 г.

°4

Организатор расстрела братьев Михайловых П.С. Курач.

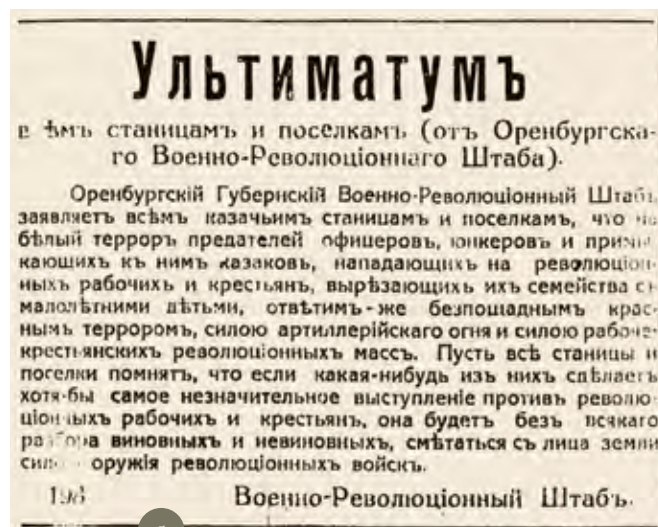
они закричали: «Да здравствует Николай II и казачество»⁵.

Согласно заметке из казачьей газеты, команду «пли!» выкрикнул один из братьев, Василий. Если верить этому свидетельству, братьев после расстрела добились штыками — на теле Василия насчитали 13 штыковых ран.

Казненных похоронили в родной станице. Белая печать использовала громкую казнь для нагнетания антибольшевистских настроений.

Отец

Расстрелянные были старшими сыновьями генерал-майора Федора Николаевича Михайлова — ветерана памирских походов, Русско-японской и Первой мировой войн. У генерала было еще пятеро сыновей и две дочери. Из сыновей Александр и Николай тоже были офицерами, в Гражданскую вместе с отцом и большинством

5

казачьих офицеров пошли за атаманом А.И. Дутовым. Александр позднее ушел с казаками в Китай, судьба Николая все еще неизвестна.

Генерал Михайлов давно находился в отставке⁶ и занимался хозяйством (свое имущественное положение он считал средним, владел десятью коровами и шестью лошадьми, засевал 10–12 десятин земли⁷). Приказ о формировании сотен, по словам генерала, был получен из Оренбурга еще в конце 1917 г. Своей инициативы в этом вопросе Михайлов якобы не проявлял. Однако при отступлении из Оренбурга в начале 1918 г. атаман Дутов останавливался на несколько дней именно в доме Михайлова, причем к отцу вместе с атаманом приехал и сын Михаил⁸ — один из немногих оставшихся тогда верными Дутову его подчиненных. Дутов поехал дальше в Верхнеуральск, а Михаил остался у отца, что стоило ему жизни.

После бегства из родной станицы генерал Михайлов до июня 1918 г. скрывался у брата, не зная ни о Дутове, ни об ушедших с ним сыновьях. Летом 1918-го красные под ударами каза-

ков и чехословаков ушли с казачьих земель. Вышел из подполья и стал служить белым генерал Михайлов. У белых он большой карьеры не сделал: летом 1918-го председательствовал в комиссии по реорганизации и ликвидации утративших свое значение военных учреждений, осенью руководил обучением мобилизованных казаков, не призванных в строевые части, а в начале 1919 г. отчислен от этой должности с оставлением в отставке.

Месть

Одержавшие временную победу белые стали вершить суд и расправу над приверженцами красных. При встрече генерала Михайлова с атаманом Дутовым безутешный отец, естественно, просил привлечь к ответственности тех, кто выдал его любимых сыновей на расправу. Дутов на это ответил: «Подайте заявление»⁹.

6

Впоследствии на суде генерал Михайлов свидетельствовал: «Я верил своим казакам и когда узнал, что они расстреляли моих сыновей, я разочаровался в них. Я с ними жил в хороших отношениях, если они меня исключали¹⁰, то это была кучка из 3–4 человек — горлопанов...»¹¹.

Организаторы казни были известны белым. В газете «Оренбургский казачий вестник» прямо отмечалось, что расстрел был организован «карательным отрядом под начальством Курача и Назаренко»¹². Однако Курач сражался в рядах Красной армии, и белое правосудие до него добраться не могло. Можно было наказать только выдавших Михайловых станичников, которые остались дома.

Генерал Михайлов, пытаясь впоследствии оправдаться перед советским судом, вспоминал о своих сомнениях: «Я долго раздумывал, как поступить, с одной стороны, я должен был

как христианин простить, но, с другой стороны, жалко было сыновей, что погибли молодыми, не пожившими, и что их расстреляли свои же казаки, которые посылали их воевать. И я в конце концов решил подать заявление»¹³. «У меня появилось желание не оставить без наказания поступок казаков, что они расстреляли невинных моих детей»¹⁴, — добавил Михайлов.

29 июля 1918 г. Михайлов выступил вне очереди на Чрезвычайном съезде 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска и попросил привлечь виновных в выдаче детей к суду и возместить убытки. Съезд предложил передать дело в военно-следственную комиссию, а на предмет возмещения убытков обратиться в комиссию помощи потерпевшим¹⁵.

В станицу прибыла следственная комиссия. «Доброжелатели» составили список участников выдачи, ставший по сути расстрельным. Позднее в этом заподозрили помощника станично-

го атамана хорунжего Дмитрия Елизаровича Горбунова, представшего за это перед советским правосудием. Однако генерал Михайлов в качестве составителей списка назвал других лиц, умерших ко времени советского расследования. Сам Михайлов принимал участие в расследовании, а также выступал в печати на эту тему. При выдаче сыновей Михайлов не присутствовал и, как утверждал позднее, знал только пятерых делегатов, ездивших к красным, а в остальном доверился списку.

В августе 1918 г.

в станице арестовали 18 человек¹⁶. Одно из арестованных, казака Василия Лошкарева, застрелили без суда и следствия по дороге, другого, случайно арестованного, по просьбе генерала освободили. 22 сентября генерал Михайлов выступил перед депутатами 3-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска, рассказав об обстоятельствах выдачи сыновей на расправу. После этого он попросил лишить казачьего звания и выселить из станицы виновных, имена которых перечислил. Казнить их генерал, судя по сухим строчкам протокола заседания, не призывал.

В обсуждении принял участие депутат Верхнеозерной станицы фельдшер Александр Сергеевич Беленинов, который от имени избирателей выразил сочувствие несчастью Михайлова, сообщил о расстреле одного из фигурантов и предании суду остальных. В духе идеализма тогдаш-

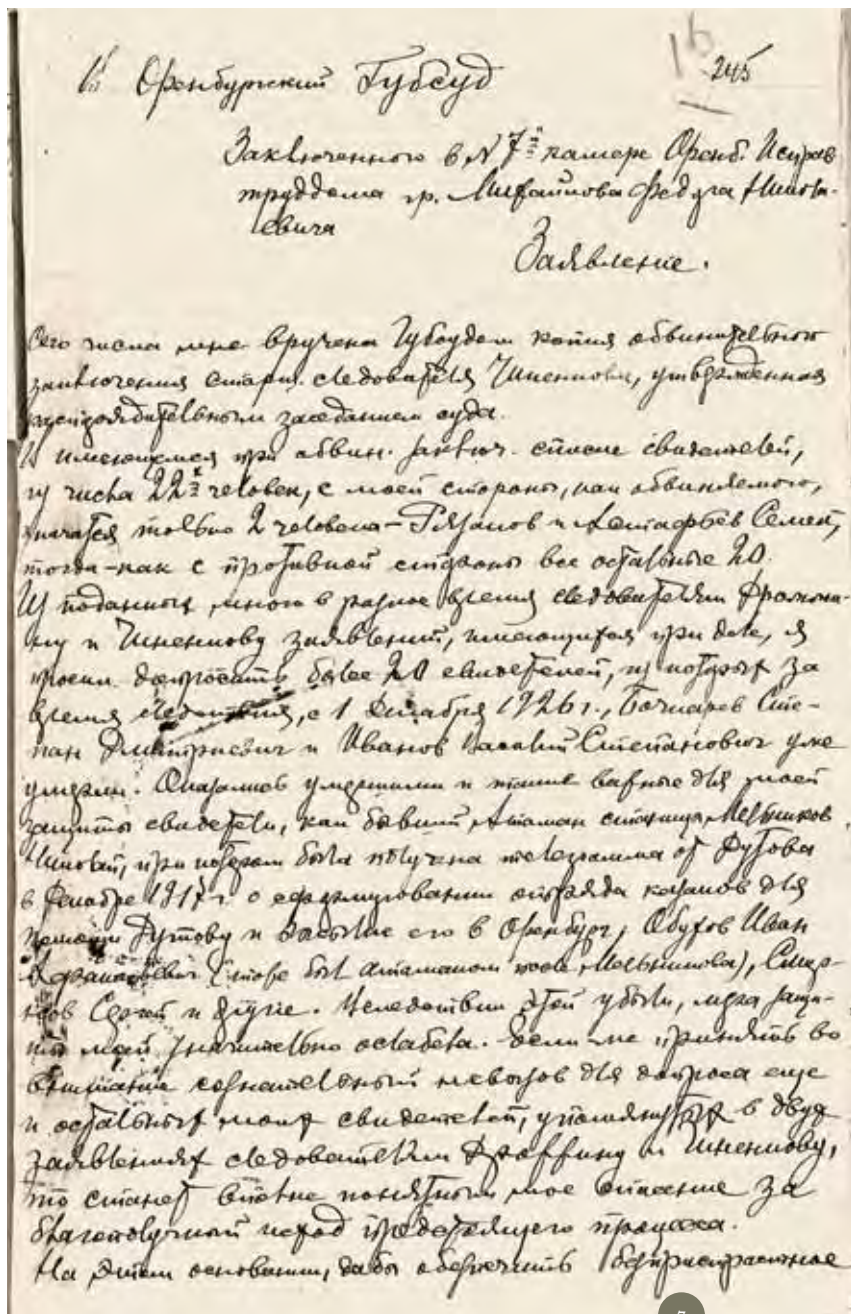
° 5

Ультиматум Оренбургского губернского военно-революционного штаба. Апрель 1918 г.

° 6

Кукрыниксы. Бегство Дутова.

Суд

7

Генерал Михайлов отступил с белыми в Сибирь и обосновался в Омске, где служил в Военном экономическом обществе. Затем перебрался в Ново-Николаевск. Когда туда пришли красные, устроился заведовать красноармейскими лавками. В разгар НЭПа организовал с несколькими партнерами торговую компанию, которая прогорела. Затем распродал имущество и уехал в Семипалатинск и в Омск. Там и вскрылось его генеральское прошлое. Михайлова сначала уволили с нового места службы, а затем арестовали.

В 1920-е гг. начались судебные процессы над бывшими белыми. Весной 1926 г. на имя оренбургского губернского прокурора поступило заявление гражданина П.А. Косарева, в котором сообщалось, что по вине генерала Михайлова в октябре 1918 г. расстреляны казаки Верхнеозерной станции. Полгода генерал находился на свободе под поручительство, но затем был заключен в Оренбургский губернский исправительно-трудовой дом (нетрудоспособная жена и учившаяся в школе дочь в это время бедствовали).

Следствие велось тщательно. Опрашивались многочисленные свидетели. Показания дал выживший фигурант дела И.Н. Петров, попавший в 1918 г. по малолетству на каторгу,¹⁹ и другие лица. Сам Михайлов отрицал причастность к формированию казачьих сотен против красных. Обвинение он считал «совершенно нелепым»²⁰. Другой фигурант дела, Горбунов, пытался откреститься от составления расстрельного списка, найдя свидетельницу того, что список был составлен казаком Г. Кузьминым²¹. Об этом же свидетельствовал и Михайлов, однако суд к этим доводам не прислушался.

29 ноября 1927 г. Михайлов предстал перед выездной сессией губернского суда вместе с составителем расстрельного списка Горбуновым на месте событий в станции Верхнеозерной, где проживала основная масса свидетелей. Тогда в связи с амнистией к 10-летию Октябрьской революции фигурантов освободили из исправительно-трудового дома под подписку о невыезде.

С 24 по 27 февраля 1928 г. проходили новые заседания суда. Был вызван и бывший депутат Войскового Круга Беленинов, уклонившийся от явки по болезни²². Выступило множество свидетелей, в судебных заседаниях участвовали адвокаты. Михайлов и Горбунов виновными себя не признали. Михайлов отрицал свое руководство формированием казачьих сил против красных. О причинах того, что сыновья пошли против большевиков, он говорил: «Мои сыновья как офицеры воспитаны в этом духе, и их честь заставила идти воевать»²³. Бывший генерал сделал смелое заявление, что счел расстрельный приговор причастным к гибели сыновей казакам жестоким, но не считал себя виновным в этом: «Я, конечно, хорошо разобрался, что значит «красные» и «белые», и знал, что рабы восстали против господ, но я не хотел принимать участия в подавлении этих рабов, т.к. был

07

Заявление бывшего генерала Ф.Н. Михайлова. 1927 г. ГАОО. Публикуется впервые.

ней демократической интеллигенции Беленинов добавил, что «одними карами ограничиться нельзя. Чтобы подобные явления в будущем не имели места, необходимо повысить культурный уровень населения и восстановить утраченную им связь с историей казачества, а для этого нужно учиться, учиться и еще раз учиться»¹⁷. Круг постановил принять доклад генерала к сведению.

Перед военно-полевым судом в Оренбурге в сентябре 1918 г. предстали шестнадцать человек: одиннадцать из них расстреляли, пятерых сослали в Восточную Сибирь на каторгу. Давал показания и Михайлов. Публику в зал заседания не пускали. Атаман Дутов якобы утвердил приговор в отношении своих казаков не сразу, а лишь после целого дня колебаний и передачи непопулярного решения на усмотрение Войскового Круга¹⁸.

совершенно аполитичен»²⁴. В последнем слове 69-летний Михайлов апеллировал к своему преклонному возрасту и просил суд позволить ему умереть на свободе²⁵. По итогам заседания Михайлова и Горбунова вновь взяли под стражу.

Суд по статье 58–11 Уголовного кодекса РСФСР приговорил бывшего генерала Михайлова к расстрелу с заменой в связи с амнистией десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением во всех политических правах на пять лет. Полугодичное предварительное заключение с ноября 1926 г. по март 1927 г. и с сентября по ноябрь 1927 г. было учтено. Горбунова приговорили к трем годам лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением в правах на два года. Его полугодичное пребывание под стражей также было учтено²⁶. Оренбургская газета «Смычка» откликнулась на процесс заметкой с хлестким названием «Палачи»²⁷.

Михайлов пытался оспорить суровый приговор, его супруга обращалась в Верховный суд РСФСР и в общество помощи политзаключен-

° 8

Уцелевшие братья Михайловы (в центре) в родной станице. Сидит Александр, стоит, предположительно, Леонид. 1960-е гг. Фото предоставлено В.Г. Семеновым.

8

ным к Е.П. Пешковой, но из этого ничего не вышло. В письме к Пешковой были и такие строки: «Возможно, что с точки зрения моральной этики поступок его был и аморален, но ведь надо же понять, что нельзя от родного отца требовать полного самоотвержения. Такому героическому, я бы сказала, непротивлению злу не всякий человек способен. Если же принять во внимание всю ту обстановку, при которой происходили все эти события, то психическое и моральное состояние моего мужа в тот момент было вполне лояльно. Общество само выбрало моих сыновей командирами отрядов против Советской власти, но потом само же из-за своих личных интересов решило отыграться на счет их молодых жизней. Не успела еще кровь их остыть, как политические события изменились, и вот под свежим впечатлением всего этого отец решил пожаловаться на свою судьбу.

Выражаю благодарность директору Государственного архива Оренбургской области И.А. Джим, заведующему читальным залом архива Б.А. Мелконяну и к.и.н. В.Г. Семенову за содействие в подготовке статьи.

Через 10 лет на заре второго десятилетия существования Советской власти суд пролетарский нашел действия моего мужа террористически направленными против Советской власти.

Его можно судить в данном случае лишь за то, что он не мог побороть в себе родительских чувств и принес жалобу, но с политикой и контрреволюцией ничего общего не имел»²⁸.

Горбунов в 1930 г. вышел на свободу. Михайлов, по некоторым данным, прожил более 90 лет. В 1993 г. обоих реабилитировали как репрессированных по политическим причинам.

P.S.

Кровавая круговерть не пощадила никого в той истории. Сегодня не разобрать, кто запустил этот маховик — красные или белые. В 1918-м не без помощи генерала Михайлова были расстреляны казаки, причастные к выдаче его детей на казнь. Те события позднее сломали жизнь и самому генералу. В 1937 г. во «враги народа» по обвинению в причастности к «антисоветской казачьей повстанческо-террористической организации» (почти то, в чем обвинялись братья Михайловы) записали организатора их расстрела П.С. Курача. Его прах покоится на полигоне в «Коммунарке». Советская власть добралась и до брата расстрелянных Александра, осевшего в китайском Харбине. После Второй мировой он был арестован, вывезен в СССР и попал в лагеря. Освободившись, поселился в Челябинске рядом с оставшимся в живых братом Леонидом.

¹ Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. 1918. № 49. 11.04. С. 1.

² Станица Гирьяльская.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-636. Оп. 2. Д. 62. Л. 124-124об.

⁴ Мученики казачества // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 63. 10.04. С. 2.

⁵ Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 2216. Л. 154.

⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 30139. П/с 331-780; Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891-1945. Биографический справочник. М., 2007. С. 371-372.

⁷ ГАОО. Ф. Р-636. Оп. 2. Д. 62. Л. 123.

⁸ Там же. Л. 124.

⁹ Там же. Л. 125.

¹⁰ Из казаков.

¹¹ ГАОО. Ф. Р-636. Оп. 2. Д. 62. Л. 124об.

¹² Мученики казачества. С. 2.

¹³ ГАОО. Ф. Р-636. Оп. 2. Д. 62. Л. 125.

¹⁴ Там же. Л. 125об.

¹⁵ Протокол № 6 заседания Чрезвычайного съезда 1-го округа Оренбургского казачьего войска от 29.07.1918.

¹⁶ ГАОО. Ф. Р-636. Оп. 2. Д. 62. Л. 1об.

¹⁷ Протоколы 3-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1918. С. 60.

¹⁸ ГАОО. Ф. Р-636. Оп. 2. Д. 62. Л. 125, 140.

¹⁹ Там же. Л. 22-22об.

²⁰ Там же. Л. 28.

²¹ Там же. Л. 108.

²² Там же. Л. 116.

²³ Там же. Л. 124.

²⁴ Там же. Л. 126.

²⁵ Там же. Л. 138.

²⁶ Там же. Л. 141-141об.

²⁷ Смычка. 1928. № 53 (858). 02.03. С. 7.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 247. Л. 155об.